

Черняев Николай Иванович

**"Пророк" Пушкина в связи с его
же "Подражаниями Корану"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н63

Н63 **Николай Иванович Ч.**
"Пророк" Пушкина в связи с его же "Подражаниями Корану" / Черняев Николай Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 75 с.

ISBN 978-5-521-30152-2

ISBN 978-5-521-30152-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

онъ „влячился“ по ней, погруженный въ свои безотрадныя размышленія, и вотъ, въ это-то время съ нимъ и совершается то, чего онъ уже давно желалъ въ глубинѣ души, но о чемъ онъ даже не дерзаетъ просить Бога въ минуты самой пламенной молитвы,—посвященіе въ пророки.

Пророку является шестикрылый Серафимъ и благодатною силой перерождаетъ все его существо. „Перстами легкими, какъ сонъ“ (какое великолѣпное сравненіе!) онъ прикасается къ очамъ пророка и сообщаетъ его духовному зрѣнію необычайную зоркость и прозорливость. Отнынѣ пророкъ уже не будетъ колебаться въ правдивости того, что ему подскажутъ первыя впечатлѣнія при встрѣчѣ съ тѣми или другими людьми: онъ пріобрѣтаетъ способность насквозь видѣть людей, онъ получилъ тотъ ключъ, которымъ можно отмыкать сердца своихъ ближнихъ и видѣть все, что тамъ творится. Отнынѣ пророкъ уже не будетъ страдать нравственною слѣпотой, а будетъ поражать враговъ и приверженцевъ своею дальновидностью и проницательностью. Неожиданное появленіе Ангела и то озареніе, которое пророкъ почувствовалъ въ своей душѣ послѣ того, какъ Серафимъ прикоснулся къ его очамъ, привели пророка въ трепетъ. Страхъ, который онъ при этомъ испыталъ, поэтъ сравниваетъ со страхомъ испуганной орлицы, давая понять этимъ сравненіемъ, что въ природѣ пророка было что-то орлиное.

Ангель прикасается къ ушамъ пророка, и ихъ наполняетъ шумъ и звонъ, какъ это бываетъ съ людьми, у которыхъ, подъ вліяніемъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, приливаетъ кровь къ головѣ. Вслѣдъ за этимъ надъ пророкомъ совершается рядъ чудесъ: онъ познаетъ посредствомъ слуха то, чего нельзя слышать ушами, и дѣлается причастникомъ высшаго, сверхъчужденнаго и сверхъестественнаго знанія.

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Остановимся на этихъ стихахъ отчасти для того, чтобы уяснить себѣ ихъ смыслъ, отчасти для того, чтобы подчеркнуть ихъ необычайную красоту и мощь.

Какимъ содроганіемъ неба внялъ пророкъ? Очевидно, тѣмъ содроганіемъ, которыя обыкновенно не сопровождаются звуками, иначе сказать, молніямъ безъ грома или такъ-называемымъ зарницамъ. Тютчевъ прекрасно выразилъ таинственное и поэтиче

свое впечатлѣніе, производимое ими на людей, чуткихъ къ явленіямъ природы.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозю,
Отъ зарницъ все трепетало...

Словно тяжкія рѣсицы
Разверзались порою,
И сивозъ баглыхъ зарницъ
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Въ то время, когда передъ пророкомъ предсталъ Серафимъ,
вѣроятно, тоже

Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею,—

наводилъ мысль на Бога и возвѣщая славу Господню, и—

Небо, полное грозю,
Отъ зарницъ все трепетало.

Пасмурное, покрытое тучами небо, безшумно содрогавшееся надъ головой пророка, вполне гармонировало съ тѣмъ дикимъ и суровымъ пейзажемъ, который передъ нимъ разстилался въ то время, когда онъ влачился по мрачной пустынѣ.

Все это такъ же, какъ и нѣкоторые другіе намеки поэта на обстановку, среди которой происходитъ явленіе Серафима пророку, необходимо имѣть въ виду художнику, который изберетъ стихотвореніе Пушкина темой для своей картины.

Раскрывъ передъ пророкомъ нѣкоторыя изъ тайнъ неба и горняго міра, Ангелъ посвящаетъ его въ нѣкоторыя изъ тайнъ природы и даетъ ему внять—

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дальней поэмы прозябанье.

Эти два стиха опять - такъ служатъ указаніемъ на особенности той мѣстности, въ которой происходитъ дѣйствіе „Пророка“. Мрачная пустыня, куда онъ удалился, не была лишена кое-какой растительности, и находилась, вѣроятно, неподалеку отъ моря.

Стихъ—

И гадъ морскихъ подводный ходъ

всумительно хорошъ по изобразительности языка. Пророкъ слышитъ не шумъ, производимый китами или громадными ры-

бами, а „ходъ“ „морскихъ гадовъ“ на днѣ морскомъ, на страшной глубинѣ, куда не достигаютъ ни звуки, ни солнечный свѣтъ.

Стихъ—

И гадъ морскихъ подводный ходъ—

живо рисуетъ въ вашемъ воображеніи морскихъ чудовищъ, которыми народная поэзія и фантазія древнихъ населяли морскія бездны. Этотъ стихъ какъ бы разъясняется и развивается въ извѣстной картинѣ морской пучины изъ шиллеровскаго „Водолаза“.

„И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;

Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины неслыханныя чуды;
И видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,

Въ громадной саванѣ клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,

И ужасъ морей, одновубъ,
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

И я содрогался... вдругъ слышу—ползаетъ

Стопное грозно изъ мглы—

И хочетъ схватить—и разинулся ротъ...

Я въ ужасъ прочь отъ скалы...

То, что узналъ безумно-отважный юноша Шиллера о тайнахъ моря посредствомъ зрѣнія, пророкъ чудеснымъ образомъ постигъ слухомъ своимъ.

Избавивъ пророка отъ нравственной слѣпоты и глухоты и надѣливъ его высшимъ, недоступнымъ, для обыкновенныхъ смертныхъ, знаніемъ, Серафимъ, не нарушая своего таинственнаго молчанія, приступаетъ къ совершенію надъ пророкомъ чего-то въ родѣ кроваваго крещенія:

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И прадзвословный, и лугавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.

Отнынѣ пророкъ исполнится глубокою, ничѣмъ непоколебимою вѣрой въ святость и мудрость каждаго своего слова, произносимаго въ минуты религіознаго экстаза, и его вдохновенныя рѣчи будутъ переходить изъ рода въ родъ, отражаясь въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ на судьбахъ народовъ и государствъ. Отнынѣ про-

рокъ уже не будетъ подозрѣвать себя въ склонности къ празднымъ и лукавымъ рѣчамъ: онъ будетъ смотрѣть на свое увлекательное краснорѣчіе, какъ на явное доказательство своего пророческаго назначенія и какъ на чудо, устраняющее необходимость другихъ чудесъ.

Но пророку недостаточно обладать прозорливостью, мудростью и способностью подчинять людей своему влиянію. Ему нужно имѣть еще непоколебимое мужество и никогда неостываемый душевный жаръ. Ему нужно быть выносливымъ въ трудахъ и лишенияхъ, безстрашнымъ въ борьбѣ съ гонителями проповѣдуемой имъ вѣры, поэтому Серафимъ, опять - таки не прерывая своего молчанія, довершаетъ духовное перерожденіе пророка другимъ, мучительнымъ и страшнымъ для него актомъ кроваваго крещенія,

И онъ нѣ грудь разсѣкъ мечемъ
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую вонкнулъ..

Отнынѣ пророкъ уже не будетъ сомнѣваться въ своихъ силахъ и рѣшеніяхъ и теряться предъ лицомъ грозной опасности. Онъ уже не будетъ влачиться въ мрачной пустынѣ, онъ будетъ смѣло смотрѣть въ глаза и царямъ, и мудрецамъ и не почувствуетъ робости ни передъ разъяренною толпой, ни передъ самыми лютыми страданіями. Кровавое крещеніе убило въ немъ ветхаго человѣка съ его неувѣренностью въ себѣ, съ его уныніемъ и слабостью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко потрясло физическій организмъ пророка. Покинутый Ангеломъ, пророкъ лежалъ, какъ трупъ, съ замершими устами, съ разрубленною, открытою грудью, обезсиленный и окровавленный, почти безъ признаковъ жизни. Онъ получаетъ исцѣленіе отъ самого Бога. Прерывая тишину пустыни, но оставаясь незримымъ, Богъ торжественно провозглашаетъ его пророкомъ, утверждаетъ за нимъ тѣ благодатные дары, которые онъ получилъ отъ Ангела, и разъ навсегда опредѣляетъ для пророка тотъ великій подвигъ, который онъ былъ призванъ совершить, — подвигъ всемирной проповѣди и сліянія своей воли съ Божьею волей.

И Бога гласъ ко нѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Этими стихами окончательно обрисовывается величавый образъ пушкинскаго пророка, съ его орлинымъ взглядомъ, вдохновенными рѣчами и безтрепетнымъ, пламеннымъ сердцемъ, и онъ, какъ живой, стоитъ передъ нами въ своей длинной восточной одеждѣ

III.

„Пророкъ“ имѣетъ форму монолога. Это точно отрывокъ изъ ненаписанной драмы. Когда на русской сценѣ вновь появятся такіе таланты, какъ Мочаловъ и Каратыгинъ, они будутъ соперничать другъ съ другомъ въ лучшей передачѣ красотъ „Пророка“ и обрѣтутъ въ немъ нестерпаемый матеріалъ для гибкой и эластичной дикціи, выразительной мимики и благородной пластики. До сихъ поръ еще никто изъ нашихъ выдающихся актеровъ не пробовалъ читать „Пророка“ публично, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо вся прелесть и глубина такихъ стихотвореній, какъ „Пророкъ“, могутъ быть постигнуты массою публики только тогда, когда она услышитъ ихъ изъ устъ хорошаго чтеца, умѣющаго выпукло отгнѣять и сокровенный смыслъ каждаго слова, и значеніе каждаго поэтическаго образа, и ритмичность развѣра, и созвучіе речей. Гоголь былъ тысячу разъ правъ, приглашалъ актеровъ какъ можно чаще читать русскихъ поэтовъ. „Я даже думаю, писалъ онъ, увлекался своею любимую мыслью: что публичное чтеніе замѣнить у насъ современемъ спектакли“. Глазъ Гоголя остался глазомъ вопіющаго въ пустынь. Жаль! Нашимъ актерамъ слѣдовало бы вспомнить объ его призывѣ, хотя бы потому, что, являясь истолкователями русскихъ поэтовъ, они оказали бы серьезную услугу дѣлу просвѣщенія и нашли бы для себя ту духовную пищу, которую имъ не можетъ дать наша убогая современная драматургія.

Какъ нужно читать „Пророка“? Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ другимъ вопросомъ: рассказывать-ли пророкъ о томъ, что съ нимъ произошло въ пустынь, подъ живымъ впечатлѣніемъ страшнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благотнаго для него событія, или онъ вспоминаетъ объ этомъ событіи много времени спустя, когда можетъ говорить о немъ уже болѣе или менѣе спокойно? Достоевскій, читавшій „Пророка“ на литературно-музыкальномъ вечерѣ, которымъ закончилось торжество открытія памятника Пушкина въ Москвѣ въ іюнѣ 1880 года, склонился, кажется, къ первому предположенію и поэтому передавалъ рассказъ пророка „съ такою напряженною восторженностью, что жутко было слушать“¹.

¹ „Зная его (Достоевскаго), писалъ Страховъ: и не могъ безъ невольной жалости умиленія видѣть его истощенное маленькое тѣло, охва-

Намъ кажется, что „напряженная восторженность“ не вполне подходит къ содержанію и духу пушкинскаго „Пророка“: въ немъ нѣтъ той разорванности и того безпорядка рѣчи, которыя были бы неизбежны, если бы пророкъ говорилъ о томъ, что онъ только что пережилъ, и прекрасный образецъ которыхъ мы имѣемъ въ рассказѣ святаго старца Іова объ его таинственномъ видѣніи въ „Двухъ мірахъ“ А. Н. Майкова. Общій тонъ пророка величественно спокойный; его изложеніе развивается плавно и связно, онъ видимо уже не въ первый разъ рассказываетъ благоговѣнно внимающимъ слушателямъ о томъ, какъ онъ сдѣлался пророкомъ. Въ стихотвореніи нѣтъ ни многоточій, ни рѣзкихъ переходовъ отъ одной части къ другой ¹.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влился,
И шестиврылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.

Чрезвычайно характернымъ кажется намъ, что рассказъ о появленіи Серафима не начинается словомъ *вдругъ* или какимъ-нибудь другимъ, ему подобнымъ выраженіемъ, а соединяется съ рассказомъ о скитаніи по пустынь союзомъ *и*. Такъ говорить, какъ говорить пушкинскій пророкъ, можетъ только человѣкъ, вспоминающій давно минувшее прошлое. Рассказывая о встрѣчѣ съ Ангеломъ и о Божіемъ Завѣтѣ, пророкъ, конечно, какъ бы снова переживаетъ все то, что онъ нѣкогда видѣлъ, слышалъ и испыталъ въ незабвенныя для него минуты, но его рассказъ дышетъ не „напряженною восторженностью“, а тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, тою несокрушимою вѣрой въ свое призваніе и тѣмъ сдержаннымъ чувствомъ, которыя вліяютъ на умы и сердца вѣрнѣе самой „напряженной восторженности“. По силѣ экспрессіи повѣствованіе пророка идетъ *crescendo*, но онъ требуетъ чрезвычайно тонкой передачи, которая наглядно показала бы намъ все, что пережилъ пророкъ въ мрачной пустынь, въ роковыя для него минуты посвященія въ провозвѣстники воли Божіей: и его духовное томленіе, и его ужасъ при появленіи Серафима, и его духовное озареніе, и его мучительныя страданія, и его

чечное этимъ напряженіемъ. Правая рука, судорожно вытянутая внизъ, очевидно, удерживалась отъ напрашивающагося жеста. Голосъ былъ усиливается до крика, чтеніе выходило слишкомъ рѣзкимъ, хотя произношеніе стиховъ было прекрасное“. (Страхова „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, стр. 119).

¹ Это бросается въ глаза съ первыхъ же стиховъ „Пророка“.

восторгъ, когда раздаются слова Бога: „Возстань, пророкъ“... Только въ самомъ концѣ разсказа голосъ пророка долженъ звучать, какъ раскаты грома. Но и тутъ неумѣстна „напряженная восторженность“, ибо она несовмѣстима съ тою грандіозною мощью и съ тѣмъ грандіознымъ величіемъ, которымъ дышитъ это мѣсто.

IV.

Первая попытка опредѣлить источникъ, изъ котораго позаимствовалъ Пушкинъ поэтическіе образы своего „Пророка“, и то настроеніе, подъ влияніемъ котораго написано это стихотвореніе, была сдѣлана въ печати проф. Незеленовымъ въ его монографіи „А. С. Пушкинъ, первый и второй періодъ жизни и дѣятельности“.

По мнѣнію Незеленова, „Пророкъ“ былъ созданъ Пушкинымъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ первой вѣсти о смерти женщины, памяти которой онъ посвятилъ „Элегію“:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...

Въ первоначальной редакціи этой „Элегіи“ первый стихъ читался:

Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей,—

и ясно указывалъ на иноплеменное происхожденіе той, которую вѣкогда любилъ Пушкинъ—

Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ.

Незеленовъ думалъ, что „Элегія“ была написана поэтомъ на смерть княгини Марьи Аркадьевны Голицыной, рожденной Суворовой (стр. 151—152 и 243—247). Анненковъ („А. С. Пушкинъ, матеріалы для его біографіи“, стр. 188) совершенно уклонился отъ рѣшенія вопроса, чьей памяти посвящена „Элегія“; другіе же біографы и комментаторы Пушкина связываютъ ее со смертью Ризницъ,—и съ полнымъ основаніемъ, ибо Ризницъ, рожденная Раппъ, была дочь нѣмца и итальянки и слыха въ Одессѣ, гдѣ съ ней познакомился Пушкинъ, среди своихъ поклонниковъ, за чистокровную итальянку. Утвердившись почему-то въ той мысли, что въ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“ говорится о „чистомъ и высокомъ чувствѣ Пушкина“ къ княгинѣ Голицыной, которой онъ посвятилъ въ 1821 году элегію „Умолкну скоро я“, а въ 1824 году стихотвореніе „Давно объ ней воспоминае“,—Незеленовъ придавъ поэтическимъ образамъ „Пророка“ иносказательное значеніе и видѣлъ въ немъ исповѣдь Пушкина

и эпизодъ изъ его автобіографіи. Въ итогѣ получается совершенно произвольное и крайне натянутое толкованіе. „Стихотвореніе „Пророкъ“, говоритъ Незеленовъ, есть исторія чистой любви Пушкина, его отношеній къ усопшей. Благородная душа поэта всегда, и въ пору грубыхъ его увлеченій чувственною жизнью, стремилась къ высшему, къ идеалу, томилась „духовною жаждой“. Но онъ не могъ самъ, одинъ освободиться отъ своихъ мрачныхъ увлеченій; тогда встрѣтившійся ему на пути жизни чистый „Серафимъ“ внесъ свѣтъ въ его душу: далъ прозрѣніе его духовнымъ очамъ, пламень вдохновенія его сердцу, чистоту его помысламъ. Но (скорбная и роковая черта характера и жизни Пушкина!) эти духовные дары показались ему тяжелыми, непосильными: „какъ трупъ въ пустынь“ онъ „лежалъ“. Тогда отлетѣлъ отъ него „Серафимъ“ обратно къ Пославшему его, и ударъ разлуки былъ для поэта громовымъ голосомъ Бога, поднявшимъ его на великое дѣло жизни, дѣло души“. Согласно этому толкованію, выходитъ, что подъ „Пророкомъ“, какъ выражаются педагоги, объясняющіе басни Крылова, нужно подразумѣвать Пушкина, а подъ шестикрылымъ Серафимомъ—княгиню Голицыну. Никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія Незеленовъ не привелъ, да и не могъ привести. Извлечь ихъ изъ „Пророка“ нѣтъ ни малѣйшей возможности; что же касается до отношеній Пушкина къ княгинѣ Голицыной, то они настолько не выяснены, что приписывать ей глубокое вліяніе на Пушкина нѣтъ никакого основанія.

Еще въ 1855 году Анненковъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина (см. его изданіе Пушкина, т. II, стр. 416) выразилъ мнѣніе, что „Пророкъ“ представляетъ идеалъ поэта, какъ понималъ его Пушкинъ въ то время, когда писалъ это стихотвореніе. Написалъ же онъ его въ 1826 году и, если вѣрить преданію, чуть ли не въ день отъѣзда изъ Михайловскаго въ Москву. По тому же преданію, „Пророкъ“ заканчивался слѣдующими стихами:

Возстань, возстань, пророкъ Россія!
Поворной рязой облекись,
Иди — и съ вервиемъ на выѣ
Къ царю... явись !

Но другому варианту эти четыре стиха читались такъ:

Возстань пророкъ, пророкъ Россія!
Поворной рязой облекись,
И съ вервиемъ на смиренной выѣ
Къ (царю роcсійскому) явись.

Вотъ это-то преданіе, извѣстное, вѣроятно, и Анненкову, дало широкое распространеніе его взгляду на внутренній смыслъ „Пророка“, и теперь, кажется, нѣтъ ни одной христоматіи и ни одного курса исторіи русской литературы, въ которыхъ „Пророкъ“ не истолковывался бы въ томъ смыслѣ, какой придастъ ему Анненковъ. Только г. Спасовичъ высказался нѣсколько лѣтъ назадъ противъ мнѣнія Анненкова, но и то крайне нерѣшительно¹. Мнѣніе Анненкова, въ числѣ другихъ комментаторовъ Пушкина, раздѣляется и Незеленовымъ. Остановимся же на преданіи, приписывающемъ „Пророку“ вышеприведенную заключительную строфу, и постараемся доказать, что она не имѣетъ ничего общаго съ „Пророкомъ“ и не принадлежитъ Пушкину.

Извѣстно, что Пушкинъ, проживавшій въ Михайловскомъ съ 1824 г. по 1826 г., подъ надзоромъ мѣстной администраціи, и лишенный права выѣзда изъ деревни, 30-го іюля 1826 года подалъ на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ просилъ разрѣшенія жить въ обѣихъ столицахъ или уѣхать въ чужіе края. 28-го августа послѣдовало рѣшеніе императора Николая отправить за Пушкинымъ фельдъегеря, но позволить поэту ѣхать свободно, а не на правахъ арестованнаго. 8-го сентября Пушкинъ прибылъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, въ Москву и немедленно, въ дорожномъ платьѣ, былъ представленъ государю во дворцѣ Чудова монастыря, гдѣ находился въ то время императоръ Николай въ ожиданіи коронаціи. По словамъ Ефремова *Русская Старина*, 1880 г., № 1 и Сочиненія Пушкина, изданныя въ 1882 г. Анскимъ, подъ редакціей Ефремова, томъ II, стр. 398), Соболевскій кому-то рассказывалъ, что листокъ съ „Пророкомъ“ и съ его сомнительнымъ финаломъ—

Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи,—

находился въ карманѣ поэта, когда онъ представлялся императору. Приѣхавъ отъ государя къ Соболевскому, Пушкинъ сильно взволновался, не найдя при себѣ „Пророка“. Онъ опасался

¹ „Что касается до внутренняго смысла „Пророка“, говоритъ г. Спасовичъ (сочиненія II стр. 336), то въ цѣломъ стихотвореніи нѣтъ никакго намёка на то, чтобы подъ этимъ словомъ Пушкинъ подозрѣвалъ не пророка, а поэта. Мы ищемъ передъ собою настоящаго пророка, но только немного преобразованнаго“. „Нельзя, однако, не признать, говоритъ г. Спасовичъ въ другомъ мѣстѣ (II 337), что модулированный Пушкинымъ пророкъ, не пользующійся лицеизвѣіемъ Господа, но одаренный широкимъ пониманіемъ природы и пламеннымъ сердцемъ, довольно близко подходитъ къ представленію о поэтѣ“...

что обронилъ его во дворцѣ, и только тогда успокоился, когда нашелъ его въ квартирѣ Соболевскаго. Г. Пятковский разсказывалъ эту легенду (*Русская Старина*, 1880 г. № 3), со словъ А. В. Веневитина (брата поэта), нѣсколько иначе. Пушкинъ обронилъ стихи не у Соболевскаго, а на дворцовой лѣстницѣ, и нашелъ ихъ тамъ же, возвращаясь по ней обратно. Онъ хотѣлъ подать государю „Пророка“ съ его заключительною строфой въ томъ случаѣ, если бы былъ принятъ императоромъ сурово и не былъ прощень имъ.

Всѣ эти разсказы, думается намъ, принадлежать къ числу безчисленнаго множества вымышленныхъ о Пушкинѣ анекдотовъ, долго гулявшихъ на Руси и не разъ вводившихъ въ заблужденіе комментаторовъ и біографовъ поэта. Можно ли допустить, чтобы такая гениальная вещь, какъ „Пророкъ“, заканчивалась такимъ плохимъ и прозаическимъ финаломъ, какъ—

Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи,—

финаломъ, достойнымъ развѣ только какого-нибудь безталаннаго подражателя Рытѣева? Если прочесть четверостишіе, о которомъ идетъ рѣчь, немедленно вслѣдъ за „Пророкомъ“, оно произведетъ впечатлѣніе банальнаго марша, пристегнутаго къ одной изъ лучшихъ сонатъ или симфоній Бетховена, или безжизненной фигуры, вписанной въ картину Рафаэля какимъ-нибудь живописнымъ дѣлѣ мастеромъ. Невѣдомый стихотворецъ, вздумавшій дополнить „Пророка“ своимъ нескладнымъ придаткомъ, принадлежалъ, судя по всему, къ числу тѣхъ „художниковъ“, о которыхъ Пушкинъ писалъ:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину гениа чернитъ,
И свой рисунокъ беззаконный
На ней бессмысленно чертитъ.

„Сонная кисть“ „художника-варвара“ чувствуется чуть ли не въ каждомъ словѣ четверостишія.

Стихъ—

Возстанъ, возстанъ, пророкъ Россіи,—

есть ничто иное, какъ чисто механическая передѣлка начала одного изъ стихотвореній Пушкина, написанныхъ въ 1823 году:

Возстанъ, о, Греція, возстанъ!

Двукратное повтореніе слова *возстанъ* послѣ того, какъ оно уже встрѣчается въ Божьемъ воззваніи къ пророку, отзывается однообразіемъ и риторикой, а обращеніе къ невѣдомому пророку Россіи, пристегнутое къ разсказу пушкинскаго пророка, по-